

Жилинский А. А., Акулий промысел на Мурмане

Жилинский Алексей Александрович, 1891-1962

История акульского промысла и предложения по его рационализации.

Жилинский А.А. Акулий промысел на Мурмане //Изв. Арханг. О-ва изучения Русского севера. - 1915. - №1. - С. 8-13

Акулий промысел на Мурмане

[8]

Несмотря на обилие в наших северных водах акул и большую их ценность в промысловом отношении, промыслов акульих здесь до сих пор не существует, не считая, конечно, совершенно отдельных случаев добычи акул на Мурмане на яруса. В то время, как за границей утилизируется акулий жир, мясо, из шкуры выделяется шегрень, у нас, в лучшем случае, вырезается только печень акулы, а все остальное, как никуда негодное, совершенно излишнее, просто обратно бросается в море, а сам промысел на эту хищную, прожорливую породу несколько не привлекает внимания русских предпринимателей.

Мало того, акула причиняет, по словам самих же промышленников, и вред рыбопромышленности: она поедает на ярусах рыбу, обрывает снасть. На Мурмане периодами положительно кишит море акулами. Район большого скопления здесь акулы можно определить: Святой Нос — Канин, т.е. как район, где ежегодно происходят лучшие промыслы морского зверя, мясо которого здесь и оседает на дно. Возможно, это обстоятельство и служит приманкой для акулы.

Весною и летом акула держится довольно далеко от берегов, всегда следуя огромными полчищами за массами рыбы, а осенью, когда рыба, как образно выражаются промышленники, жмется к берегам, акула заходит в заливы, бухты. Акулий же промысел на Мурмане, без сомнения, возможен почти круглый год.

В своих правдивых очерках о Мурмане В. Ф. Држевецкий, упоминая в нескольких словах об акуле, приводит случай, когда норвежцы-колонисты на небольшом акульнике в течение суток поймали более 400 экземпляров акул, нередко достигающих до шести метров длины.

Считая в среднем вес печени каждой акулы в два пуда и беря низшую стоимость печени по одному рублю за пуд, как видим, результат промысла выражается весьма солидной цифрой, в 800 рублей. При других же обстоятельствах это сумма была бы, несомненно, значительно больше, когда бы возможно было пустить в

дело и шкуру акулы и ее мясо. Акулье мясо, отличающееся прекрасными вкусовыми качествами, с успехом могло бы идти в пищу, что, безусловно, и бу[9]дет в самом недалеком времени у нас. Заграницей оно находит широкое себе применение. Да и почему не допустить, что под видом тех или иных консервов «заграничных» просто на просто готовится акулье мясо. Ценность же акулы за последние годы возросла. В прошлом году воюкса акулы поднималась в цене свыше 2-х рублей за пуд. Следовательно, можно представить, какие большие выгоды во всех отношениях может давать акулый промысел, когда нам известны случаи, что промышленники за один выезд добывали до 500 пудов воюксы.

Так, например, крестьянин Печенгского общества Филипп Неронин, занимаясь несколько лет тому назад акульим промыслом «между делом», на своей шняке, поднимающей до 300 пудов груза, сделал в Норвегию два рейса с грузом акульего жира на сумму 900 рублей.

Попытки организовать на Мурмане акулый промысел были неоднократны.

Сумский мещанин Паншин [правильно – Пашин, далее исправлено] получил от правительства, благодаря ходатайству одного высокопоставленного лица, даже пособие в несколько тысяч рублей на оборудование промысла акул. Пашин было энергично принялся за дело, но в том же, 1836 [по В.Ю. Визе – в 1837 году] году, погиб во время шторма около берегов Норвегии.

С именем Пашина, к слову сказать, тесно связывается начало доставки трески с Мурманом морем в Петербург. Он является первым пионером такого предприятия. В 1834 году Паншин впервые доставил в Петербург груз трески и распродал его весьма успешно. Такая удача побудила его предпринять и еще подобную поездку, пока бурный океан не похоронил отважного моряка в своих волнах. Наконец, в 1857 году профессор Данилевский во время своего пребывания на Мурмане исходатайствовал своему бывшему кормишке, колонисту Суллю, небольшое денежное пособие с такою же целью, как получил и Пашин, но чтобы только Сулль одновременно приучал к занятию акульим промыслом и самих русских.

После того, как правительство удовлетворило это ходатайство и выдало Суллю некоторую сумму, он успешно стал промыслять акул около о. Кильдина. Результаты своего промысла Сулль продавал преимущественно на норвежские суда, приходившие на Мурман специально с целью скупки акульего сала.

Затем около 1870 года Сулль поселился в г. Коле и там, лишь только замерзала Кольская губа, приучал на своем опыте промыслу акул и колян, которые, в конце концов, прозвали своего учителя «акуля смерть». Однако, такая мера, казалось бы, и имела некоторое практическое значение, но все же нисколько не убедила и не научила русских, как нужно пользоваться теми щедротами моря, которыми столь

обильно наделила их природа. Вряд ли что другое, кроме воспоминания об энергичном иностранце, осталось у невежественных колян.

Русских же промышленников, занимающихся на Мурмане акульим промыслом, насчитывалось всего несколько человек.

Так, в 1870 году кр[естьянин] Сорокской волости Михаил Тукачев на предоставленном ему одним судовладельцем судне сперва занялся акульим промыслом в Кандалакшском заливе, где акула также периодами довольно густо держится. Затем Тукачев перекочевал к [10] Святому Носу. Все это предприятие закончилось тем, что он вконец спился. Промышлял акул весьма успешно около Святого Носа Василий Серебряков из Соломбалы, но все это были отдельные попытки, а акульих промыслов на Мурмане как прежде, так и теперь совершенно не существует.

Совершенно справедливо выразился В. Ф. Држевецкий в своей статье о тресковом промысле, что с водворением на Мурмане серьезно снаряженного промышленника-колониста, а не бросающегося на любую даровую подачку потерявшего способность к труду тунеядца, акулий промысел может занять видное место в ряду других родов промыслов и вызвать целый ряд новых предприятий.

В данном случае мы находим подтверждение на опыте норвежцев-колонистов на Мурмане, положение которых здесь ни в коем случае не может быть сравниваемо с положением русского колониста.

В 1899 году акульим промыслом на Мурмане было занято из колонистов 59 человек, которые по отдельным колониям распределяются так: в губе Ура — 10 промышленников, в Вайда-губе — 14 промышленников, в Белокаменной — 7 промышленников, в Торос-островах 4, в Б. Мотке и Грязной по 3 промышленника, в Цып-Наволоке — 2 и в остальных десяти колониях было всего по одному промышленнику.

Как видим, становища эти расположены на западном Мурмане, т.е. где преобладающим элементом населения являются исключительно норвежцы и т.п.

В числе же всех этих акульщиков оказался всего один русский. Занятые промыслом распределялись так: 12 человек стояли во главе предприятия, как хозяева (9 чел.) или члены их семей (3 чел.); 39 человек участвовали в качестве равноправных пайщиков на своих или арендованных судах и 8 человек — в качестве рабочих по найму.

Судя же по продолжительности промысла, он играл далеко не одинаковую роль для занятых им лиц. В Вайда-губе и Торос-островах на промысле акул промышленники провели почти по 5 месяцев, в 3-х пунктах до 4 месяцев, в четырех

— по 11/2–2 месяца, в четырех — от 21/2 до 5 недель. В 1899 г. в 15 случаях точно указаны начало и конец промысла. В четырех из них промысел начался в январе, в 3-х — в феврале, в 5-ти — в марте и в 3-х случаях — в апреле и мае. Окончился — в шести случаях в половине июня, в 4-х — в апреле, в 2-х — в мае и в одном случае в марте. В 1900 г. в 3-х случаях начало промысла отмечено: 18 января, 11 февраля и начало марта. Средняя продолжительность промысла, по данным 1899 г., равнялась 2–21/2 месяцам.

Следовательно, продолжительность времени для производства акульего промысла значительна и при правильной, настоящей его организации может дать большие выгоды промышленникам.

Мне думается, что возгласы отчета, откуда я заимствую эти цифры, о том, что: «из-за чего же люди терпят лишения, рискуют и капиталом и жизнью, если результаты акульего промысла еле-еле покрывают расходы на него» — совершенно лишены всякого основания.

[11]

Правда, дальше следует оговорка, что «необходимо иметь в виду, что акулый промысел, как почти и всякий другой, носящий характер охоты, например, тресковый, звериный и т.п., является своего рода лотереей, где один выигрыш привлекает массу ничего не получающих лиц. В самом деле, добыча по 800–900 рублей на судно для отдельных счастливых встречается ежегодно, а бывают промыслы и по 1000 и более рублей. Получить 300–400 рублей при расходах в 200 руб. заманчиво для каждого, и в таком желании нет ничего несбыточного, т.к., будь эти случаи, хотя по одному в год, они все будут приходить один на 15–13, т.е. около 7–8% на 100 — условия исключительно благоприятные для всякой лотереи» и т.д.

Валовая же выручка от акульего промысла выражается за 1899 г. приблизительно так:

Тип судна	Продолжит. или число выездов	Валовая выручка
Суда без палубы:		
Ела	45 дней	20 р.
Листербот	30 »»	17 »»
»»	18 »»	48 »»

Палубные суда:		
Фембурин	75 »»	225 »»
Листербот	105 »»	400 »»
»»	120 »»	800 »»
»»	60 »»	200 »»
»»	105 »»	500 »»
»»	35 »»	360 »»
Клипер	49 »»	480 »»
Яхта	135 »»	690 »»
»»	135 »»	960 »»
»»	150 »»	600 »»

Таким образом, непалубные суда промыслили в среднем по 31 дню и выручали по 28 рублей; палубные суда промыслили по 97 дней и выручали по 521 рублю.

В 1900 году записана валовая выручка 7 палубных листерботов определенно в 2 412 рублей — по 345 руб. в среднем на каждый. Колебания в выручке, по замечанию отчета, были опять весьма велики — от 80 руб. до 740 руб. Выезжали эти суда от 2 до 6 раз каждое.

Все вооружение промыслового судна исчислено так:

Корпус судна	300 р.
Оснастка	85 »»
Паруса	125 »»
Трос	100 »»
Цепи и якоря	120 »»

Единовременная затрата, таким образом, составляет 825 руб., а расходы на самих промышленников исчисляются за весь период промысла, включая сюда расходы на продовольствие, отопление и освещение судна и на наживку — около 67 руб. на каждого человека.

Для мелкого промышленника, разумеется, о затрате такой суммы на оборудование акульего промысла и речи быть не может, а русскому колонисту, даже тому, который бы и хотел заняться про[12]мыслом акулы, это также совсем не под силу, когда в подавляющем своем большинстве он не может толком «сбиться» и на промысел то трески. Каждая сотня рублей имеет для него колоссальнейшую ценность. Мне лично известны некоторые работающие и энергичные колонисты на Мурмане, которые для того, чтобы, как они выражаются «справить» елу, принуждены были крепко закабалить себя на год, а при неудаче и на два, позаимствовав на это денег. Где же ему заниматься промыслом акулы.

Долгими годами нужно сколачивать эту сумму, не видя ни откуда поддержки себе. Поэтому только тогда могут развиваться на Мурмане акульи промыслы со стороны самих русских, когда водворится на Мурмане серьезно снаряженный промышленник. Ведь, и весь то хаос в промыслах на Мурмане, их отсталость включительно нужно рассматривать с точки зрения скверной постановки дела по колонизации этого района, а для урегулирования этого вопроса не принимается никаких мер, не включая, конечно, курьезную подачку в 350 р. всякому переселяющемуся на Мурман. А для инертного русского капитала разве сумму в 800 рублей можно в данном случае считать значительной для оборудования акульего промысла? Она с успехом в самый короткий срок оправдывает себя. Утверждение, что расходы на судно, промысловое обзаведение и поддержание его в исправности настолько велики, что лишь промысел значительной продолжительности может покрыть их и дать некоторый избыток — не выдерживает ни малейшей критики. Норвежцы, наверно от такого утверждения громко бы расхохотались и добавили свое теперь излюбленное определение нашего промышленника: «ленив русак»!!

Капитан дальнего плавания С. В. Постников, долгие десятки лет плавающий в водах Севера и изучивший его промыслы во всех деталях на собственном опыте, наблюдал бесчисленные факты в Норвегии, когда акульники приходили с промыслов на судах, совершенно запруженных результатами промысла. Нередко такое судно вмещает до 1500 пудов, однако, норвежцы и каюту занимали под груз, лишь бы захватить от моря все, что возможно.

С. В. Постников сам лично, быть может десятки раз побуждал к тому же русских промышленников, но результатов не получалось. Считать же акулий промысел, а тем более еще и тресковый, какой-то «лотереей» сплошная нелепость.

На развитие акульского промысла на Мурмане следует обратить самое серьезное внимание, т.к. во всех отношениях он может дать громадные выгоды. Техника же его весьма несложна.

Промышляли акул большею частью на шняках, выезжая в открытое море или заливы. Чтобы привлечь акул, первоначально брали деревянную посудину с просверленными в ней отверстиями, наполняли ее ворванью и бросали с грузом в воду. Струи ворвани или, как называли промышленники, лайно либо лайво, разносились по воде. Затем бросали в море толстую веревку от 150 до 200 сажен длиною, к концу которой привязывали другую веревку длиною до 12 сажен, называемую сукунборок. К последней привязывали грузило (пунда) и цепь около двух сажен длины. На цепи укреплялся крюк в один фут величины на особой гайке, чтобы акула не могла перекусить либо перекрутить веревку.

[13]

Для наживки употребляли тюленьё сало, иногда и тюленьё мясо, которое нередко слегка поджаривали на огне. Если же не оказывалось в достатке нужной наживки, то просто брали акулье мясо. Остальными снарядами для ловли акул служили: ляп (железный крюк около аршина), в конце которого приделывалось кольцо, куда продевается веревка, на которой через каждые поларшина находятся узлы; длина веревки достигала пяти сажен. Затем употреблялся клепик-нож с рукояткой в полтора аршина, деревянный молот (кротилка) в полпуда весом для оглушения акулы, подтянутой к шняке.

Первого появления и клева акул промышленники выжидали около суток, и промысел начинался с того момента, как акулы входили в лайно.

Выловленную и подтянутую к борту акулу оглушали по голове молотом, разрезали брюхо и вынимали печень, а плавательный пузырь наполняли чрез трубку воздухом, перевязывали его и вкладывали вновь в тушу, чтобы последняя не затонула и не пошла на съедение другим акулам.

По рассказам промышленников и рассказам очевидцев, акулы часто настолько густо окружали шняку или, как говорят промышленники, «сплывали», что их будто бы просто на выбор хватили ляпом, а нередко приходилось даже бросать все и удирать из опасения, чтобы акулы не повредили судно.

Таким образом, видим, что оборудование акульского промысла стоит гроши, и для этой цели вполне пригодны те же палубные боты, которые употребляются и для ловли рыбы, а единственной причиной отсутствия на Мурмане русского промысла можно считать лишь невежество русских. «Бог не даст, так какой тут промысел?» — постоянно приходится слышать от нашего промышленника. Нет, Бог то в избытке наделил всем, да трудиться то никто не хочет. Одна, кажется, есть самая надежная

и радикальная мера для нашего промышленника, это, прежде всего, поднять его умственный кругозор. Это может сообщить лишь широкое насаждение на Севере просвещения, а пока у нас есть жалкие крохи, промышленник кругом утопает в невежестве, и нет об нем заботы.

Алексей Жилинский

© текст, Жилинский А. А., 1915

© OCR, Игорь Ульянов, 2008

© HTML-версия, Шундалов И., 2008